

004. Падение в воду

В этот раз Якоб на удивление послушно пошёл навстречу и не стал упрямиться.

Он покорно выполз из-под одеяла, забавно извиваясь всем телом, точно гусеница. Усевшись на постели, кроха прилежно поднимал то ручки, то ножки, пока Таотэ бережно обтирал его влажной тканью.

Однако омыть живот и пах маленький генерал наотрез отказался, настояв на том, что справится сам. Таотэ пришлось уступить лишь наполовину: спереди Якоб обтирался в одиночку, а вот со спиной и ягодицами помогал гигант. Меньше всего великану хотелось, чтобы свежая кровь из ран перепачкала чистую постель.

Закончив с водными процедурами, человечек покраснел густо, до самых кончиков ушей, напоминая варёного рака. Он распластался на простыне, спрятав пылающее лицо в согнутых руках, и долго лежал неподвижно, не издавая ни звука.

Достав лекарственную мазь, Таотэ принялся обрабатывать чистую кожу. Разница в их размерах была настолько велика, что маленькому гостю оставалось только послушно лежать на животе, затаив дыхание.

Подвинув поближе масляную лампу, великан внимательно осмотрел раны. К его изумлению, воспаление вокруг глубоких порезов уже начало спадать. С такой поразительной скоростью заживления неудивительно, что этот кроха проснулся полным сил.

Когда Таотэ подушечкой пальца мягко коснулся повреждённого места, нанося снадобье, кроха тихонько и жалобно пискнул.

— Больно? — Таотэ тут же отнял палец.

При столь чудовищной разнице в габаритах рассчитать силу было непросто: малейшее неосторожное движение гиганта могло обернуться для малыша нестерпимой мукой.

— Прости...

Прошло немало времени, прежде чем тишину нарушило это тихое, но удивительно звонкое извинение.

Таотэ удивлённо приподнял бровь. Поняв, что не причинил малышу боли, он вернулся к своему делу.

— Я не должен был утверждать, что еда отравлена.

Лежа спиной к своему спасителю, Якоб говорил строго и по-военному сухо, но в этом звонком детском голоске всё же сквозило искреннее раскаяние.

Было очевидно, что этот гордый человечек совершенно не привык просить прощения.

Услышав столь неловкое, вымученное извинение, Таотэ мысленно усмехнулся. Обида окончательно прошла.

В конце концов, очутись кто угодно на месте этого бедолаги — раненым, беспомощным, в лапах незнакомого великана, — осторожность была бы единственным способом выжить. Да и раз уж этот крошечный упрямец переступил через себя и признал неправоту, продолжать злиться было бы совсем уж мелочно.

— Ладно, замаяли, — миролюбиво отозвался Таотэ. — Сегодня отлёживайся, через пару дней совсем на ноги встанешь. Раны затягиваются на удивление быстро, но беречься всё равно стоит. Твою кожаную кольчугу я припрятал — она вся в крови, надеть её сейчас не получится. Завтра подумаю, во что тебя одеть.

— Ты... не мог бы ты сделать для меня кое-что?

Якоб перевернулся на спину, поспешно сел и в мгновение ока юркнул под край одеяла, спасаясь от собственной наготы. Закутавшись по самый подбородок, он оставил на виду лишь круглую взъерошенную голову.

Он смотрел с привычной упрямой строгостью. Несмотря на то что звонкий, чисто детский голосок совсем не вязался с суровой мимикой, Якоб произнёс отчётливо:

— Моё пребывание здесь должно остаться в тайне. Если кто-то прознает, беды не миновать.

— Я не идиот, — Таотэ убрал баночку с мазью.

Если односельчане прознают, что он прячет у себя дома такую кроху, спокойной жизни в племени ему больше не видать.

— Обещаешь? — глухо донеслось из-под плотной ткани.

Вернувшись к кровати после того, как убрал лекарства, Таотэ обнаружил, что Якоб укутался с головой, превратившись в подобие аккуратного шёлкового кокона. Изнутри этого плотного «свёртка» доносилось лишь тихое сопение, да изредка ткань забавно вздрагивала, когда малыш устраивался поудобнее.

Таотэ бережно освободил засыпающего пленника из одеяльного плена и аккуратно переложил

на крохотную подушку, которую приготовил для него ранее. Чтобы крохе было уютно, он обложил его со всех сторон мягкими лоскутами ткани, а обнажённое тельце прикрыл тончайшим лоскутом нежной выделанной кожи.

Как бы упорно этот маленький человечек ни пытался сегодня строить из себя грозного воителя, в его взгляде нет-нет да и проглядывал затаённый страх.

Едва услышав твёрдое заверение великана, Якоб наконец сдался под натиском изнуряющей усталости и мгновенно провалился в глубокий, безмятежный сон.

На следующее утро, едва рассвело, Таотэ проснулся и первым делом скосил глаза на соседний уголок постели — маленькая подушка была пуста.

Несколько минут он лежал, продирая глаза и силясь сообразить, куда делся его жилец. Подниматься сразу великан побоялся и для начала негромко позвал человечка по имени.

Мало ли, вдруг кроха скатился во сне на матрас и теперь блуждает среди гигантских складок постельного белья? Одно неловкое движение тяжёлого тела — и от маленького генерала ничего не останется.

Таотэ замер, чутко прислушиваясь. Вскоре в самом углу одеяла наметилось робкое копошение. Великан приподнялся на локтях: из-под тяжёлой ткани высунулась заспанная, совершенно голая фигурка. Малыш, видимо, просидел под одеялом слишком долго, и его круглые щёки горели густым румянцем.

Увидев хозяина дома, кроха нерешительно застыл у самого края постели.

— Чего молчал, раз проснулся? — ворчливо бросил Таотэ, натягивая штаны. — А если бы я во сне повернулся и раздавил тебя?

Человечек сконфуженно переступил с ноги на ногу и попытался поплотнее прикрыться уголком одеяла.

— Да что с тобой такое? — удивился Таотэ, заметив, что странная краска с лица Якоба так и не сходит.

Малыш помялся, забавно передёрнув плечами, но промолчал.

Глядя на эти немые мучения, Таотэ вдруг всё понял. Догадка оказалась настолько простой, что он едва не рассмеялся.

Он быстро оделся и опустил раскрытую ладонь прямо перед крохой:

— Залезай, помогу.

Якоб, продолжая судорожно сжимать край одеяла, недоверчиво уставился на протянутые пальцы. Он выглядел крайне замешанным.

— Если напредишь мне на простыни, вылечишься на улице, — беззлобно пригрозил Таотэ.

Проснуться ни свет ни заря и лавировать по кровати, рискуя угодить под бок великана — у столь отчаянного манёвра могла быть лишь одна, крайне деликатная причина.

— Я не мочусь в постель! — отчаянно пискнул Якоб.

Стыд и возмущение заставили его напрочь позабыть про напускную важность и великосветский тон.

Лишившись привычного пафоса, его звонкий голосок зазвучал совсем по-детски, капризно и обиженно. А уж эти огромные, влажные от смущения глаза делали маленького генерала настолько уморительным и трогательным, что на него невозможно было смотреть без улыбки.

— Ну, как знаешь. Или думаешь дождаться, пока само рассосётся? — хмыкнул Таотэ.

Помявшись ещё секунду и поняв, что организм вот-вот объявит капитуляцию, Якоб нехотя выпустил спасительную ткань. Слегка покачиваясь, он перебрался на широкую ладонь и чинно уселся в самом её центре.

Таотэ не стал больше изводить бедолагу. Бережно прижав руку к груди, чтобы защитить пассажира от утреннего сквозняка, он направился к выходу.

Обычный уличный туалет для такой крохи не годился — паренёк рисковал провалиться туда с концами. А гадить под кустом воинственная гордость Якобу вряд ли позволила бы...

«Есть идея!» — осенило Таотэ, и он ускорил шаг. Оказавшись у хозяйственных построек за кухней, он подыскал подходящее место.

— Жди здесь, — великан бережно пересадил Якоба на толстую ветку раскидистого куста.

Сам он ненадолго отлучился и вскоре вернулся, неся в руках широкую плоску, доверху наполненную мелким сухим песком. Эту смесь Таотэ когда-то заготовил, чтобы заделать щели в кухонной стене, но за ненадобностью так и оставил стоять под навесом.

Пристроив чашу с песком у стены дровяного сарая, он аккуратно опустил маленького гостя прямо на песчаную горку.

В прежнем мире у него дома точно так же жила кошка: способ проверенный, чистый и хлопот никаких.

Малыш переступил с ноги на ногу, огляделся по сторонам. Его рот приоткрылся — судя по всему, в голове крохотного военачальника зрела гневная тирада о недопустимости подобного обращения, но, оценив безвыходность положения, он лишь обиженно надулся и промолчал.

Понятно, что здешние дикие условия не шли ни в какое сравнение с его прежним обустроенным бытом. К тому же, сидя на великаньей ладони, Якоб успел оценить масштабы бедствия: этот мир был пугающе, невысказанно огромен.

О побеге в таком состоянии не стоило и мечтать. Простой крестьянский двор казался ему дном глубокого колодца, стены которого уходили высоко в облака.

Видя, что Якоб больше не протестует, Таотэ оставил его в покое и поспешил заняться утренними делами.

Солнце ещё дремало за верхушками деревьев, но утренних забот у него скопилось предостаточно. Нужно было приготовить завтрак, а после — вытащить наружу и разложить для просушки охапки зеленолистника и других диких трав, собранных за последние дни. В сырости дома они мигом бы сопрели.

И пускай весна уже вовсю вступала в свои права, наполняя леса дичью и съедобными кореньями, привычка делать запасы оставалась главным законом выживания в диких землях.

Первым делом Таотэ растопил очаг, повесил котелок с водой и принялся за нехитрую стряпню. Все эти дни он ни на шаг не отходил от раненого, так что на полноценную охоту или сбор съестного времени не оставалось. Приходилось обходиться запасами: подсохшим зеленолистником да парой уцелевших клубней батата.

Достав продукты из кладовой, он разложил их по глиняным мискам с колодезной водой — отмочить. Пока еда готовилась к варке, великан принялся перетаскивать из закромов скопившиеся запасы сухих овощей, методично раскладывая их на циновках прямо посреди двора.

Утренний воздух бодрил приятной прохладой. Управившись с тяжёлыми мешками, Таотэ с наслаждением потянулся, глядя на светлеющее небо, и с удовлетворением подумал, что денёк выдастся славный.

Как вдруг тишину сонного утра нарушил короткий, отчётливый всплеск: «Плюх!»

Звук был такой, будто в глубокую воду с размаху рухнуло что-то небольшое.

Таотэ на мгновение замер, но уже в следующую секунду его обдало ледяным потом. Он со всех ног бросился назад, к деревянному сараю. Лоток с песком был пуст — крохотного генерала и след простыл.

Сердце бешено заколотилось. Таотэ кинулся к углу сарая и заглянул за ящик. Прямо рядом с ним сиротливо стояло старое ведро, доверху полное дождевой воды. На потемневшей глади одиноко закручивался крохотный водоворот.

Спустя бесконечно долгую секунду из глубины показалась крохотная макушка.

— Буль... буль...

По взбаламученной воде пошли пузыри, и до ушей великана донёлся отчаянный, захлёбывающийся писк:

— Кха... спа... помо...

Оказавшись в смертельной ловушке, Якоб хаотично молотил по воде крохотными конечностями, силясь вынырнуть, но от этого лишь глубже уходил на дно.

У Таотэ от ужаса едва сердце не остановилось. Одним молниеносным движением он опустил ладонь в ледяную воду и выудил на свет несчастного захлёбывающегося бедолагу.

— Живой?! — он испуганно уложил обмякшее мокрое тельце на ладонь, бережно расправив его крохотные ручки и ножки.

— Спа... спасите... Нет... кха... не надо... помогите...

«Неужто умом тронулся от испуга?»

Кроха сжался в комочек прямо посреди мокрой ладони. Зажмурив глаза, он продолжал в панике отбиваться от невидимой воды и звать на помощь. Судя по всему, бедолагу обуял такой первородный ужас, что он до сих пор не понял, что спасён.

— Тихо, тихо... Всё позади, ты в безопасности.

Таотэ подушечкой пальца принялся легонько поглаживать его вздрагивающую от холода и страха спину, пытаясь успокоить зашедшееся в бешеном ритме крохотное сердце.

Почувствовав спасительное тепло, полуживой от страха малыш резко перевернулся и мёртвой хваткой вцепился в палец великана. Силы в этом крошечном тельце оказались на удивление много: он обхватил сустав обеими руками и ногами так крепко, что Таотэ побоялся шевельнуться, дабы ненароком не переломать ему кости.

— Кха... помогите... не надо... вода...

Уцепившись за великанский палец как за единственную соломинку, Якоб продолжал бессвязно шептать одни и те же слова. Паника понемногу уступала место горьким детским слезам.

— Ну всё, всё... Тише. Ты на суше.

Таотэ послушно держал руку на весу, позволяя натерпевшемуся страху бедолаге изо всех сил сжимать свой палец.

Лишь спустя четверть часа мелкая дрожь, сотрясавшая тельце Якоба, наконец начала утихать. Он робко, с опаской приоткрыл заплаканные глаза и посмотрел поверх огромного пальца на склонившееся над ним гигантское лицо спасителя.

Убедившись, что перед ним действительно Таотэ, Якоб коротко выдохнул. Но он посмотрел на него с такой горькой детской обидой в своих крохотных, похожих на бусины глазках, что у великана невольно защемило сердце.

<http://bllate.org/book/20392/2122651>